

Азбука
PREMIUM
РУССКАЯ ПРОЗА

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

Ада,
или
Радости страсти

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н 14

Vladimir Nabokov
ADA OR ARDOR
Copyright © 1969, Dmitri Nabokov
All rights reserved

Перевод с английского Сергея Ильина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-12577-3

© С. Ильин, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО

Князь Всеслав Земский [1699–1797] ⚭ 1770

Петр [1772–1832]

⚭ 1824

Мэри О'Райли [1806–1850]

Дарья (Долли) [1825–1870]

⚭ 1840

Иван Дурманов [1801–1872]

Иван [1842–1862]

Марина [1844–1900]

Аква [1844–1883]

⚭ 1871

⚭ 1869

Данила Вин

Дементий Вин

Княгиня София Темносиня
[1755–1809]

Ольга
[1773–1814]

⊕ 1793

Эразмус Вин
[1760–1852]

Дедалус
[1799–1883]

⊕ 1837

Графиня Ирина Гарина
[1820–1838]

Дементий (Демон)
[1838–1905]

⊕ 1869

Аква Дурманова

Иван (Ван)
[1870–]

Ардалион
[1800–1848]

⊕

Мэри Трамбэлл
[?–1849]

Данила
[1838–1893]

⊕ 1871

Марина Дурманова

Аделаида (Ада)
[1872–]

Люсинда
(Люсетта)
[1876–1901]

⊕ 1893

Андрей Виноземцев
[1865–1922]

За исключением м-ра и м-с Рональд Оранжер, нескольких проходных лиц и кое-каких неамериканских граждан, все люди, поименованные в этой книге, уже мертвы.

[Изд.]

Часть первая

1

«Все счастливые семьи довольно-таки непохожи, все несчастливые довольно-таки одинаковы» — так говорит великий русский писатель в начале своего прославленного романа («Anna Arkadievitich Karenina»), преобразенного по-английски Р. Дж. Стоунлоуэром и изданного «Маунт-Фавор Лтд.», 1880. Это утверждение мало относится, если относится вообще, к истории, что будет развернута здесь, — к семейной хронике, первая часть которой, пожалуй, имеет большее сходство с другим твореньем Толстого, «Детством и отрочеством» («Childhood and Fatherland»¹, изд-во «Понтий-Пресс», 1858).

Бабка Вана по матери, Дарья («Долли») Дурманова, приходилась дочерью князю Петру Земскому, губернатору Бра-д'Ора, американской провинции на северо-востоке нашей великой и пестрой отчизны, в 1824-м женившемся на Мэри О'Райли, светской даме ирландских кровей. Долли, единственное их дитя, родилась в Бра, а в 1840 году, в нежной и своевольной пятнадцатилетней поре, вышла за генерала Ивана Дурманова, коменданта Юконской фортеции, мирного сельского барина, владельца угодий в провинции Сѣверныя Территоріи (иначе Severn Tories²), в этом мозаичном протекторате (и поныне любовно именуемом «русской» Эстотией), грано-бластически и органически сопряженном с «русской» же Канадией, «французская» Эстотия тож, где под сенью наших звезд и полос утешаются умеренным климатом

¹ «Детство и Отечество» (англ.). — Здесь и далее примечания С. Ильина и С. Дубина.

² Суровые Тори (англ.).

не одни лишь французские, но также баварские и македонские поселяне.

Впрочем, любимой усадьбой Дурмановых так и осталась Радуга, стоявшая невдалеке от крепостцы того же названия — за границей собственно Эстотии, на атлантической плите континента, между элегантною Калугой (Нью-Чешир, США) и не менее элегантною Ладогой (Майн); в последней имелась у них городская усадьба, там и родились все трое их чад: сын, скончавшийся юным и знаменитым, и дочери-двойняшки, обе с нелегким характером. От матери Долли унаследовала темперамент и красоту, но с ними и старинную родовую черту прихотливого и нередко прискорбного вкуса, вполне проявившегося, к примеру, в именах, данных ею дочерям: Аква и Марина. («Зачем уже не Тофана?» — со сдержанным утробным смешком дивился добрейший, ветвисторогатый генерал — и тут же слегка откашливался с напускной отрешенностью — страшился жениных вспышек.)

23 апреля 1869 года, в моросливой и теплой, сквозисто-зеленой Калуге двадцатипятилетняя Аква, мучимая всегдашней ее вешней мигренью, сочеталась узами брака с Уолтером Д. Вином манхаттанским банкиром, который происходил из древнего англо-ирландского рода и давно уже состоял в имевшей вскоре возобновиться (впрочем, урывками) бурной любовной связи с Мариной. Последняя в 1871-м вышла за двоюродного брата своего любовника, тоже Уолтера Д. Вина, столь же состоятельного, но куда более бесцветного господина.

Буква «Д» в имени мужа Аквы отвечала «Демону» (разновидность «Демьяна» или «Дементия») — в семье его так и звали. В свете же он был повсеместно известен как Ворон Вин или попросту Темный (Dark) Уолтер — в отличие от мужа Марины, прозванного Дурак Уолтер, а по-простому — Красный Вин. Сдвоенным хобби Демона было коллекционирование старых мастеров и молодых любовниц. Не чурался он и пожилых каламбуров.

Матушка Данилы Вина носила фамилию Грамбэлл, и он охотно, входя во всякие тонкости, рассказывал — если не наткнулся на умельца, сбивавшего его с избранного пути, — как в ходе американской истории английский «bull» (бык) преобразился в новоанглийский «bell» (звон). Худо-бедно, но на третьем десятке лет он «занялся делом» и довольно быстро вырос в приметного манхаттанского торговца произведениями искусства. Он не испытывал, по крайности изначально, какого-то сугубого вождения к живописи или тяги к торговле, да и не видел нужды растрясать в связанных с «делом» паденьях и взлетах внушительное состояние, унаследованное им от череды значительно более расторопных и рискованных Винов. Охотно признаваясь в отсутствии особой любви к природе, он провел за всю жизнь лишь несколько тщательно затененных летних уик-эндов в Ардисе — своем роскошном поместье невдалеке от Ладоры. Лишь несколько раз наведаясь он со времени отрочества и в другое свое имение — к северу от озера Китеж под Лугой: имение, включавшее и эту обширную, странно прямоугольную, хоть и вполне натуральную водную пустошь (да, собственно, из нее и состоявшее), которую окунь (Дан как-то замерил время) перерезал наискось за полчаса и которой он владел на пару с двоюродным братом, в юности очень охочим до ужения рыбы.

Чувственная жизнь бедного Дана не отличалась ни изощренностью, ни лепотой, но, так или иначе (он скоро запомнил точные обстоятельства, как забываешь мерки и цену любовно пошитого пальто, в хвост и в гриву пронесив его пару лет), он уютно увлекся Мариной, семью которой знал в пору, когда ей еще принадлежала Радуга (после проданная господину Элиоту, еврейскому негоднику). Как-то под вечер, весной 1871 года, он сделал Марине предложение в подъемнике первой в Манхаттане десятиэтажной постройки, выслушал на седьмой остановке (Отдел игрушек) гневную отповедь, вниз съехал один и, дабы проветрить чувства, пустился в контрфогтовом направлении в тройное турне вокруг глобуса,

всякий раз придерживаясь, будто ожившая параллель, одного и того же маршрута. В ноябре все того же 1871 года, в самую ту минуту, когда Дан обсуждал распорядок вечера все с тем же смердящим, но симпатичным чичероне в костюме цвета *safe-au-lait*¹, коего он нанимал уже дважды все в том же генуэзском отеле, ему поднесли на серебряном блюде воздушную аэрограмму от Марины (доставленную с недельной задержкой через манхаттанскую контору Дана, где ее по недогляду новой регистраторши засунули в голубиный лаз с пометкою «*RE AMOR*»²); аэрограмма гласила, что Марина готова выйти за него, как только он возвратится в Америку.

Согласно воскресному приложению к газете, тогда еще только начавшему выпускать на свои юмористические страницы ныне давно усопших «Ночных проказников» Никки и Пимпернеллу (милейших братца с сестрицей, деливших узенькую кровать) и уцелевшему среди прочих старых бумаг на чердаке усадьбы Ардис, бракосочетание Вина и Дурмановой состоялось в день Св. Аделаиды 1871 года. Двенадцать лет и восемь примерно месяцев спустя чета голых детей — одно темно-волосое и смуглое, другое темноволосое и млечно-белое — получила, склонясь в жарком солнечном луче, скошенном чердачным окном, под которым пылились картонки, возможность сличить эту дату (16 декабря 1871) с другой (16 августа того же года), задним числом нацарапанной наискось рукою Марины в уголку официальной фотографии (что стояла в малиновой плюшевой рамке на двухтумбовом столе мужниной библиотеки), — фотография эта в каждой подробности — вплоть до банального всплеска эктоплазменной невестинной вуали, частью припертой папертным ветерком поперек жениховых штанов, совпадала с репродукцией, помещенной в газете. Девочка родилась 21 июля 1872 года в Ардисе — поместье ее мнимого отца (округ Ладора) и по темной

¹ Кофе с молоком (*фр.*).

² «О любви» (*лат.*).

причуде памяти была названа Аделаидой. За первой дочерью последовала 3 января 1876-го вторая, на сей раз самая что ни на есть Данова.

Помимо старого иллюстрированного приложения к еще живой, но порядком уже рехнувшейся «Калужской газете», наши резвые Пимпернелл и Николетт обнаружили на том же чердаке круглую картонку с лентой, содержащей (по словам Кима — кухонного, как выяснится в дальнейшем, мальчишки) отснятый кругосветным скитальцем предлинный микрофильм: череда романтических базаров, раскрашенных херувимов и писающих нахалят, возникающих троекратно, в разных ракурсах, в разных оттенках гелиоколора. Понятно, что мужчина, создавая семью, не станет чрезмерно выпячивать определенные сцены (вроде той, групповой, в Дамаске, где в главных ролях выступали он сам и степенно куривший археолог из Арканзаса с обаятельным шрамом в окрестности печени, а с ними три дебелие потаскухи и преждевременное squitteroo¹ старикана Архело — «пырсик», как шутливо назвал это явление третий мужской член теплой компании — сущий британский бриг по оснастке); и все же изрядную часть ленты Дан неоднократно прокручивал молодой жене во время их познавательного медового месяца в Манхаттане, сопровождая сеансы чтением строго фактологических заметок (которые не всегда удавалось с легкостью отыскать из-за уклончивых и обманных закладок в нескольких разложенных под рукой путеводителях).

Однако лучшая из находок поджидала детишек в другой картонке — из низших слоев прошлого. То был зеленый альбомчик с опрятно вклеенными цветами, которые Марина собирала или как-то еще получала в Эксе, горном курорте близ Брига в Швейцарии, где она прожила какое-то время еще до замужества — большей частью

¹ Подразумевается, надо полагать, преждевременная эякуляция, хотя английское *squitter* подразумевает скорее произвольную струю поноса.

в наемном шале. Первые двадцать страниц украшало множество мелких растений, беспорядочно собранных в августе 1869 года на травянистых склонах чуть выше шале, или в парке отеля «Флори», или рядом с ним, в саду санатории («мой *nusshaus*»¹, как именовала его злосчастная Аква, или Дом, как более сдержанно обозначает его, указывая происхождение цветка, Марина). Эти начальные страницы не представляли ни ботанического, ни психологического интереса, последние же пятьдесят или около остались и вовсе пустыми, но вот срединная часть, в которой число экспонатов заметно уменьшилось, являла собою сухую маленькую мелодраму, разыгранную призраками мертвых цветов. Цветы располагались с одной стороны книжечки, а заметы Марины Дурмановф (*sic*) — en regard².

*Ancolie Bleue des Alpes*³, Экс в Валлисе, 1.IX.69. От англичанина в гостинице. «Альпийский голубок, в цвет ваших глаз».

*Eperviere auricule*⁴. 25.X.69. Экс, за оградой альпийского садика экс-доктора Лапинэ.

Золотой лист [гинкго]: выпал из книги «Правда о Терре», которую отдала мне Аква, прежде чем вернуться в свой Дом. 14.XII.69.

Искусственный эдельвейс, принесенный моей новой сиделкой с запиской от Аквы, где сказано, что он снят с «мизерной и странноватой» рождественской елки в ее Доме. 25.XII.69.

Лепесток орхидеи, одной из 99 орхидей, а как же иначе, которыми разрешилась вчера срочная почта, доставившая их, *c'est bien le cas de le dire*, с виллы Армина

¹ Произведено из английского *nuthouse* (сумасшедший дом) с заменой английского *nut* (псих, чокнутый) немецким *nuss*: дух, духовное начало.

² На противоположной странице (*фр.*).

³ Водосбор (голубок) синий альпийский (*фр.*).

⁴ Ястребинка «медвежье ушко» (*фр.*).

в Приморских Альпах. Отложила десяток, чтобы снести Акве в ее Дом. Экс в Валлисе, Швейцария. «Снегопад в хрустальном шаре Судьбы» — как он нередко говаривал. (Дата стерта.)

*Gentiane de Koch*¹, редкая, принес из своего «немного генциария» лапочка Лапинэ. 5.I.1870.

[синяя чернильная клякса, случайно принявшая форму цветка, или нечто, вымаранное фломастером и затем приукрашенное] *Compliquaria compliquata*², разновидность *aquatmarina*. Экс, 15.I.70.

Фантастический бумажный цветок, найденный в сумочке Аквы. Экс, 16.II.1870, изготовлен собратом-пациентом в Доме, который больше уже не ее.

*Gentiana verna (printaniere)*³. Экс, 28.III.1870, на лужайке у дома моей сиделки. Последний день здесь.

Малолетние открыватели этого странного и скверного сокровища так прокомментировали его:

— Я вывожу отсюда, — сказал мальчик, — три коренных факта: что еще незамужняя Марина и ее замужняя сестра залегли на зимнюю спячку в моем lieu de naissance; что у Марины имелся *roug ainsi dire* собственный доктор Кролик; и что орхидеи прислал ей Демон, предпочитавший отсиживаться у глади морской — его темно-синей прабабки.

— Могу добавить, — сказала девочка, — что лепесток принадлежит заурядной любке двулистной, она же орхидея-бабочка, что моя мать была еще безумней своей сестры и что в бумажном цветке, столь беспечно забытом, легко распознать весенний подлесник, которых я целую кучу видела в прошлый февраль на береговых холмах Калифорнии. Доктор Кролик, здешний натуралист, которого ты, Ван, приплел сюда ради ускоренной пер едачи сюжетных сведений, как назвала бы это Джейн Остин

¹ Горечавка Коха (фр.).

² Осложнения осложненные (лат.).

³ Весенняя (фр.).

(вы помните Брауна, не правда ли, Смит?), определил экземпляр, привезенный мной в Ардис из Сакраменто, как «медвежью лапу», В-Е-А-Р, мой любимый, медвежью, а не мою, не твою и не стабианской цветочницы, — вот аллюзия, которую твой отец — впрочем, если верить Бланш, и мой тоже — уловил бы — сам знаешь как, — вот этак (по-американски щелкает пальцами). Ты еще мне спасибо скажи, — продолжала она, обнимая его, — что я обошлась без научного названия. И кстати, другая лапа — Pied de Lion¹ с жалкой рождественской лиственницы — изготовлена той же рукой, принадлежавшей, быть может, полуживому китайчику, едва дотащившемуся туда из Барклайского университета.

— Виват, Помпеяnellа (которую *ты* видела разбрасывающей цветы лишь в альбоме у дяди Дана, между тем как *я* прошлым летом любовался ею в Неаполитанском музее). А теперь, девочка, нам лучше натянуть трусы и рубашки, спуститься вниз и немедленно закопать эту книжонку или обратить ее в копоть. Так?

— Так, — ответила Ада. — Истребить и забыть. Но у нас еще целый час до чая.

Касательно повисшего в воздухе «темно-синего» намека:

Давний вице-король Эстотии, князь Иван Темноносный, отец прапрабабки детишек, княгини Софии Земской (1755—1809) и прямой потомок ярославских властителей дотатарских времен, происходил из тысячелетнего рода. Ван, оставаясь невосприимчивым к пышным восторгам генеалогического самопознания и равнодушным к тому, что ослы объясняют снобизмом сразу и холодность, и горячность, невольно испытывал эстетическое волнение при мысли о бархатном фоне, различаемом им постоянно как утешительное, вечносущее летнее небо за черной кроной фамильного древа. Позднее он уже не мог перечитывать Пруста (как не мог еще раз насладиться пахучей клейкостью турецкой халвы) без откатной

¹ Львиная лапа (*фр.*).

волны дурноты и саднения изжоги — и все-таки любил то место, где говорится об имени Германтов, с окраской которого гармонировал в призме Ванова разума близкий ему ультрамарин, приятно дразнивший его артистическое тщеславие.

Гармонировал-германтировал? Коряво. Перекроить! (Помечено на полях поздним почерком Ады Вин.)

2

Связь Марины и Демона Вина началась в день его, ее и Данилы рождения, 5 января 1868 года, — ей исполнилось двадцать четыре, а обоим Винам по тридцати.

Как актриса она не обладала ни одним из тех завлекательных качеств, благодаря которым дар подражания представляется, хотя бы пока представление длится, достойным уплаты и большей цены, нежели жизнь меж таких огней рампы, как бессонница, вымыслы, высокомерие мастерства; и все же той ночью, с нежным снегом, падавшим вне пределов плюша и фальши, la Dugmanska (платившая великому Скотту, своему импресарию, по семи тысяч золотых долларов в неделю за одну только публичность плюс примерная премия за каждый ангажемент) с самого начала дрянной однодневки (американской пьесы, основанной неким претенциозным писакой на знаменитом русском романе) была настолько призрачна, прелестна и трепетна, что Демон (бывший не *вполне* джентльменом в амурных делах) заключил пари с князем N., своим соседом по креслам в партере, подкупил череду закулисных стражей и вскоре в cabinet reculé¹ (как мог бы загадочно обозначить французский писатель былых времен эту комнатку, в которой помимо груды пыльных горшочков с разноцветной помадой хранились сломанная трумпетка и пудельный обруч забытого клоуна) успел овладеть ею между двумя картинами (по главам третьей и четвертой замороженного романа). В первой

¹ Задняя комната (*фр.*).

из них она раздевалась — грациозный очерк за полупрозрачными ширмами — и, явившись в соблазнительной и легкой сорочке, коротала остаток кривой картины, перемыывая со старенькой няней в эскимосских бахилках косточки местного барина, барона д'О. Получив от бесконечно мудрой крестьянки совет, она садилась на край кровати, придвигала к себе столик с паучьими ножками и строчила гусиным пером любовное письмо, а затем минут пять зачитывала его голосом томным, но звучным — не вполне понятно кому, ибо нянька дремала, прикорнув на подобьи матросского сундучка, а зрителей более занимало сияние ложной луны на голых раменах и персях, колеблемых вздохами влюбленной девицы.

Еще до того, как ушаркала с письмом старая эскимоска, Демон Вин покинул красного бархата кресло и устремился за выигрышем — успех предприятия предreshался тем, что Марина, лакомая до поцелуев девственница, была влюблена в него с самого их последнего танца на Святках. Сверх того, и жаркий свет луны, в котором она сию минуту купалась, и пронзительное ощущение своей красоты, и пылкие порывы воображаемой девы, и почтительные рукоплескания почти полного зала сделали ее особенно незащитной перед щекотанием Демоновых усов. К тому же у нее оставалась еще куча времени, чтобы переодеться для новой сцены, начинавшейся с длинноватого интермеццо в исполнении балетной труппы, нанятой Скоттиком, доставившим этих русских в двух спальных вагонах из самого Белоконска, что в Западной Эстотии. Дело происходило в великолепном саду, несколько веселых юных садовников, невесть почему наряженных грузинскими горцами, тишком поедали малину, а несколько столь же невиданных горничных в шальварах (кто-то дал маху — или в аэрограмме агента попортилось слово «самовар») кропотливо собирали с садовых ветвей алтейные лепешки и земляные орешки. По неприметному знаку определенно дионисийской природы все они ударялись в буйную пляску, названную в разудалой афишке *kurva*, или *gibbon boule* («круговая», стало быть, или

«танец с лентами»), и от истошных их воплей Вин (ощущавший покалыванье в облегченных чреслах и розовокрасную банкноту князя N. в кармане) едва не выпал из кресла.

Сердце его пропустило удар и не пожалело о милой пропаже, когда она, раскрасневшаяся и смятенная, порхнула в розовом платье в сад и клакеры разразились сидячей овацией, второе, впрочем, более жидкой, нежели та, какую исторгло у них мгновенное исчезновение крети-нических, но картинных преобразенцев из Ляски — или Иберии. Встреча ее с бароном О., выходящим в зеленом фраке при шпорах из боковой аллеи, как-то миновала сознание Демона — до того потрясло его чудо мгновенной бездны чистейшей реальности, мелькнувшей меж двух поддельных посверков придуманной жизни. Не дождавшись окончания сцены, он выбежал из театра в хрустальную и хрусткую ночь; звезды снежинок осеяли его цилиндр, пока он шагал к своему расположенному в соседнем квартале дому, чтобы распорядиться о пышном ужине. В тот час, как он на санях с бубенцами отправился навстречу новой любовнице, заключительный перепляс кавказских генералов и преобразенных золушек уже оборвался, и барон д'О. (на этот раз в черном фраке при белых перчатках) стоял на коленях посреди опустевшей сцены, держа в ладони стеклянную тувельку — все, что оставила неверная, уклонясь от его припозднившихся домогательств. Утомленные клакеры еще поглядывали на часы, а уж Марина, укрытая черным плащом, скользнула в объятия Демона и в лебединые сани.

Они кутили и путешествовали, ссорились и снова сходились. К новой зиме он заподозрил, что она ему неверна, но не смог выследить соперника. В середине марта, во время делового завтрака с тонким ценителем искусств, безалаберным, долговязым, приятным господином в старомодном фраке, Демон, вкрутив в глазницу монокль, выщелкнул из особого плоского футляра маленький рисунок пером и акварелью и сказал, что оный представляется ему неизвестным до сей поры плодом нежного

художества Пармиджанино (собственно, он был в этом уверен, но желал укрепить уверенность чужими восторгами). Рисунок изображал обнаженную деву с персиковидным яблоком в чашечке полувоздетой ладони, боком сидящую на увитой вьюнками подставке; для открывателя в рисунке таилось добавочное обаяние: дева напоминала ему Марину, когда та, позвонив из гостиничной ванной и присев на ручку кресла, шептала в ладонью прикрытую трубку какие-то просьбы, которых любовник не мог разобрать, ибо шепот тонул в гомоне ванны. Барону д'Онскому довольно было разок взглянуть на приподнятое плечо и кое-какие извивы нежных орнаментальных растений, чтобы подтвердить догадку Демона. Д'Онской славился тем, что никогда не выказывал каких-либо признаков эстетического волнения даже перед лицом прекраснейшего из шедевров; однако на сей раз он, словно маску, отняв от лица увеличительное стекло, с улыбкой упоенной услады дозволил своему неприкрытому взору обласкать бархатистое яблоко и покрытые впадинками и мхом сокровенности обнаженного тела. Не поразмыслит ли господин Вин о том, чтобы прямо сейчас продать ему этот рисунок, пожалуйста, господин Вин. Нет, господин Вин не поразмыслит. Пусть Сконки (одностороннее прозвище) утешится гордой мыслью, что он и счастливый владелец рисунка — единственные, кто доныне любовался им *en connaissance de cause*. Рисунок вернулся в свою особливую оболочку, но после четвертой стопочки коньячку д'О. попросил дозволения в последний раз взглянуть на него. Оба были малость под мухой, и Демон втайне прикидывал, не упомянуть ли ему о довольно банальном сходстве этой райской девы с молодой актрисой, которую гость, без сомнения, видел в «Евгении и Ларе» или в «Леноре Воронской» (жестoko изруганных молодым и «непростительно неподкупным» критиком), стоит, не стоит? Не стоит: в сущности, все эти нимфы на одно лицо — следствие их стихийной прозрачности, ибо в чем уподоблены юные лона вод, как не в журчаньи невинности и в ложных зароках зеркал, вот

она, моя шляпа, его постарей, но шляпник у нас один, лондонской.

Назавтра Демон пил в своем любимом отеле чай в обществе дамы из Богемии, которой ни до того, ни после никогда не встречал (она желала получить от него рекомендацию для работы в отделе стеклянных рыб и цветов Бостонского музея); внезапно прервав свои многословные излияния, она указала на Марину и Акву, томно плывших по залу в стильном унынии и голубоватых мехах, имея в кильватере Дана Вина и таксика, и сказала:

— Удивительно, до чего эта мизерная комедиантка напоминает «Еву на клепсидрофоне» с известной картины Пармиджанино.

— С какой угодно, но не с известной, — негромко отметил Демон, — а уж вы-то ее видеть никак не могли. Не завидую вам, — прибавил он. — Простак-посторонний, сообразив, что ступил в жижу чужой ему жизни, должно быть, испытывает тошнотные чувства. Чья разговорчивость снабдила вас этими сведениями — самого господина д’Онского или друга его друзей?

— Его друга, — ответила злополучная богемская дама.

На допросе в застенке Демона Марина с переливистым смехом плела красочную поволоку лжи, но быстро запуталась и созналась во всем. Она клялась, что все уже кончено, что барон — развалина телом, но духом сущий самурай — навек укатил в Японию. Обратившись к источнику, отличавшемуся большей надежностью, Демон выяснил, что действительной целью самурая был модный маленький Ватикан (римский курорт с минеральными водами), откуда он намеревался этак через неделю вернуться в Аардварк, Масса. Поскольку благоразумный Демон предпочитал убить своего врага в Европе (поговаривали, будто ветхий, но нерушимый Гамалиил хочет во что бы то ни стало добиться запрета дуэлей во всем западном полушарии, — то была либо утка, либо рожденный чашкой растворимого кофе каприз мечтательного президента, ибо в конце концов ничего из этой затеи не вышло), он нанял быстроходнейший из доступных бен-

золетов, настиг барона (с виду — более чем цветущего) в Ницце и, увидев, как тот входит в книжную лавку Гюнтера, в присутствии невозмутимого, несколько даже скупающего лавочника-англичанина отхлестал изумленного соперника по лицу лавандовой перчаткой. Вызов был принят; выбрали двух секундантов из местных; барон предпочел шпаги; и после того как добрая кровь (польская и ирландская, род «Окровавленной Мэри» на жаргоне американских барменов) обильно спрыснула два волосатых торса, побеленную террасу, пролет ступеней, сходящих в низинный сад причудливой разбивки Дугласа д'Артаньяна, фартук совершенно случайной молочницы и рукава сорочек двух секундантов, милейшего мосье де Паструа и полковника С. Т. Алина, мерзавца, последние развели запыхавшихся бойцов, и Сконки скончался — не «от ран» (как гласила злостная сплетня), но от гангренозной спохватки малейшей из них и, возможно, собственноручной — пустячного укола в пах, причинившего расстройство кровоснабжения, терпеливо снесшее множество хирургических операций, произведенных за два или три года утомительного лежания в Аардваркской больнице Бостона, — кстати сказать, в этом же городе он и женился в 1869-м на нашей приятельнице, богемской даме, все-таки ставшей смотрительницей стеклянной биоты местного музея.

Марина, объявившаяся в Ницце через несколько дней после дуэли, отыскала Демона на его вилле Армина, и в испуленном примирении оба и думать забыли о необходимости морочить механику деторождения, отчего возникло крайне «интересное положение», без которого, собственно говоря, не смогла бы родиться череда этих горестных замет.

(Ван, я доверяю твоему таланту и вкусу, но *до конца ли мы уверены*, Ван, в необходимости так *истово и неустанно* возвращаться в этот замаранный мир, который, в конце концов, и существовал-то, быть может, лишь онейрологически? На полях, рукою Ады 1965 года; слабо зачеркнуто ее позднейшей, дрожащей рукой.)

Содержание

АДА, ИЛИ РАДОСТИ СТРАСТИ

Роман

Часть первая	9
Часть вторая	341
Часть третья	468
Часть четвертая	555
Часть пятая	589
<i>Вивиан Дамор-Блок. Примечания к «Аде»</i>	611

Набоков В.

Н 14 Ада, или Радости страсти : Семейная хроника / Владимир Набоков ; пер. с англ. С. Ильина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 640 с. — (Азбука Premium. Русская проза).

ISBN 978-5-389-12577-3

Создававшийся в течение десяти лет и изданный в США в 1969 году, роман Владимира Набокова «Ада, или Радости страсти» по выходе в свет снискал скандальную славу «эротического бестселлера» и удостоился полярных отзывов со стороны тогдашних литературных критиков; репутация одной из самых неоднозначных набоковских книг сопутствует ему и по сей день. Играя с повествовательными канонами сразу нескольких жанров (от семейной хроники толстовского типа до научно-фантастического романа), Набоков создал едва ли не самое сложное из своих произведений, ставшее квинтэссенцией прежних тем и приемов его творчества и рассчитанное на весьма искущенного в литературе, даже элитарного читателя. История ослепительной, всепоглощающей, запретной страсти, вспыхнувшей между главными героями, Адой и Ваном, в отрочестве и пронесенной через десятилетия тайных встреч, вынужденных разлук, измен и воссоединений, превращается под пером Набокова в многоплановое исследование возможностей сознания, свойств памяти и природы Времени.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР НАБОКОВ
АДА,
ИЛИ РАДОСТИ СТРАСТИ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Светлана Федорова, Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.12.2016. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 33,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

AAUP2061101R